

УДК 81.276.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-49-55

В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: m.poutrova@psu.by

Статья уточняет весьма распространённое утверждение, что язык есть орудие культуры и показывает, что взаимодействие между языком и культурой правомерно представить как отношения созидающей силы и результата её энергезирующего воздействия. Весьма весомую роль в осуществлении языком созидающего культуру предназначения выполняет его материальная субстанция или форма, медиум, экспрессивный слой, посредник. Важнейшей задачей современных гуманитарных наук, особенно философии, лингвистики (лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации) является разъяснение сущности взаимодействия между языком и культурой, которое, как оказывается при ближайшем рассмотрении, укладывается в давно известную формулу: вначале было слово. Именно оно, то есть язык играет роль креативного, созидающего начала во взаимодействии языка и культуры.

Ключевые слова: язык, созидающее начало, результат, энергезирующая деятельность, культура, форма, медиум, посредник.

Введение. На протяжении длительного времени взаимодействие языка и культуры является предметом пристального внимания и изучения представителей, практически, всех гуманитарных наук, особенно лингвистики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, философии, герменевтики, культурологии, психологии межличностных отношений. В настоящее время вопрос взаимодействия языка и культуры стал особенно актуальным ввиду современных тенденций в изменении организации деятельности в обществе, особенно ввиду радикальной технологизации взаимоотношений, значительного усиления интенсивности коммуникационных потоков, все возрастающей быстротечности человеческих контактов, очевидных изменений повседневных общественных и научных парадигм мышления [1]. Неслучайно в последнее время предпринимаются попытки переосмысления и уточнения с учетом отмеченных реалий имеющихся подходов в самых разных областях гуманитарных знаний: образовании, философии, лингвистике.

Уточнение существующих подходов к интерпретации сущности взаимодействия языка и культуры позволяет убедиться в том, что, как правило, выводы делаются на основе данных о роли внутренней формы языка. Совершенно справедливо полагая, вслед за Гумбольдтом, что «понятие языка существует и исчезает вместе с понятием формы, ибо язык и есть форма и ничего кроме формы» [2, с. 361], исследователи, тем не менее, сосредотачивают свое внимание только на одной её разновидности – внутренней форме языка, показывая, как язык рассекает реальность вокруг нас и создает определенный фреймворк для нашего восприятия и мирозидания. Трактую язык и его форму только через понятие внутренней формы, представляющей собой свойственный каждому конкретному языку способ организации мыслительной материи, «способ представления», «осмысления», «модификации» её элементов [2, с. 103, 149, 317], «метод разделения поля мышления» [3, с. 364], исследователи действительно выделяют весьма значимые межкультурные особенности в отражении мира с помощью языка и обращают внимание на необходимость обязательного их учета при изучении иностранных языков [4; 5] осмыслении сущности понятия «культура».

Представляется целесообразным уточнить, однако, что внутренняя форма языка является только одной из существующих разновидностей его форм. Она, то есть внутренняя форма, получает материальное воплощение, как бы, по выражению Я.Г. Зубковой, встраиваясь во внешнюю форму [6, с. 58]. Последняя включает все формообразующие элементы всех уровней языка – систему членораздельных звуков, интонационных единиц, грамматический и лексический строй – и также является объектом пристального внимания лингвистов. Но существует еще и собственно языковая субстанция, звук вообще, в терминологии Я.Г. Зубковой [6, с. 59], которая, как правило, не учитывается вовсе при рассмотрении особенностей взаимодействия языка и культуры даже в специальных пособиях по теории межкультурной коммуникации, появившихся в последние десятилетия [4; 7].

Между тем, материальная форма реализации языка, по заключению весьма глубоких работ по языкознанию [8] и философии [9] и по результатам наших собственных исследований, существенна [10]. Наша гипотеза состоит в том, что привлечение данных о форме языка как непосредственной материальной субстанции, в которой он воплощается, поможет уточнить сущность взаимодействия языка и культуры и значительно глубже понять их природу, а также действия человека, использующего язык в современном мире.

Актуальность работы вытекает из значимости понимания тех процессов, которые наблюдаются в развитии культуры сегодня, когда язык стал реализовываться не только в ставших уже традиционными звуковой, то есть устной и письменной, печатной формах, но и в, казалось бы, только несколько модифицированной новыми технологиями «электронной», интернетовской форме. Данное небольшое изменение привело к тому, что значительная часть языкового сообщества не успевает должным образом усвоить эту модифицированную форму,

а другая, не менее многочисленная его часть, начинает упускать из вида те преимущества, которые дарит человеку язык, реализованный в ставших уже несколько устаревших формах.

Новизна работы заключается в попытке осмысления взаимоотношений языка и культуры только в одном аспекте, обычно упускаемом исследователями в области языка и, особенно, теории межкультурной коммуникации, а именно: в аспекте языка как формы, понимаемой как его непосредственная материальная субстанция, то есть того медиума, в котором он существует в культуре.

Цель работы состоит в уточнении сущности взаимодействия языка и культуры на основе включения в перечень анализируемых величин фактора языковой субстанции или медиума.

Задачами исследования, вытекающими из поставленной цели, были следующие:

1. Обсуждение сущности важнейших для настоящей работы понятий – культуры и языка.
2. Рассмотрение интерпретаций фактора языковой субстанции в современной науке.
3. Выявление существующих сегодня точек зрения на взаимоотношения языка и культуры.
4. Обоснование роли языка в развитии цивилизации и культуры с привлечением аргументов о значимости формы его воплощения, то есть формы как материальной субстанции.

Основная часть. В современной научной литературе ещё далеко не завершилась дискуссия о том, что такое культура и какие параметры следует учитывать при трактовке данного понятия. Наиболее точным обобщением существующих разнообразных дефиниций понятия «культура» правомерно считать следующее: культура – это созданная усилиями человека среда; система программ человеческой деятельности, поведения и общения; весьма сложное явление, представляющее собой результат многообразной деятельности человека в самых разных условиях его существования и с помощью весьма отличающихся инструментов и с разной целью. Культура видится как результат взаимодействия людей в неких условиях, способ их совместного существования. По общему признанию, она строится из следующих важнейших составляющих: материальной, интеллектуальной, духовной и интеракционной, каждая из которых в определенном плане оказывается независимой от породившего ее человека, так как имеет наиндивидуальную природу. Для понимания сущности культуры важно отметить, что данные составляющие выделяются скорее с целью более глубокого уяснения сложности понятия культуры, с тем чтобы обозначить аспекты деятельности человека, которые, в конечном итоге, объединившись, создают культуру. Их вклад взаимодополняющий. Каждый из них испытывает влияние других аспектов и сам воздействует на них. Хотя можно представить и определенную их иерархию (их выделение способствует постижению сложности понятия культуры).

При всей, казалось бы, полноте и многогранности изложенной интерпретации сущности понятия культуры, весьма конструктивной представляется также трактовка её в информационном плане, то есть рассмотрение культуры в качестве информационного аспекта жизни общества, как социально значимой информации, регулирующей деятельность, поведение и общение людей во всех сферах их бытия. Эта информация, выступающая как совокупный исторически развивающийся социальный опыт, в определенной мере, может осознаваться людьми, но зачастую функционирует как социальное подсознательное. Передача от поколения к поколению возможна только благодаря закреплению этой информации в знаковой форме в качестве содержания различных семиотических систем. Культура существует как сложная организация таких систем [11, с. 527]. В качестве последних могут выступать любые фрагменты человеческого мира, получившие функцию знаков и фиксирующие программу деятельности: музыка, танец, одежда, архитектура, живопись, артефакты, обряды.

Среди подобных знаковых систем есть одна, роль которой видится решающей в создании и функционировании культуры, сотворении её как информационно обусловленной сущности. Таковой по мнению исследователей самых разных направлений в культурологии, теории межкультурной коммуникации, лингвистике, философии, истории, герменевтике, семиологии является язык. Он постулируется как основа и зеркало культуры, её орудие, «дом бытия» [12, с. 192]. Примечательно, что примерно такой же точки зрения придерживаются не только сами ученые, занимавшиеся вопросами культуры (культурологи, герменевты, философы, лингвисты), но и представители широкой общественности, даже те, профессиональная деятельность которых не связана непосредственно с культурологическими дисциплинами. В качестве примера можно привести реакцию Союза писателей Беларуси на известие о том, что руководство Кабардино-Балканского госуниверситета решило ввести белорусский язык в план учебного процесса своего университета как второй славянский. Первый заместитель председателя Союза писателей Беларуси Елена Стельмах сочла необходимым прислать по данному поводу полное уважения и признательности письмо в Нальчик, в котором отметила, что писатели Беларуси признательны за внимание к Беларуси, ее родному языку, через который познается народ, его традиции, культура, современная жизнь [13, с. 4].

Аналогичным образом, как правило, трактуется роль языка эмигрантами, на своем собственном опыте испытывавшими каково это – ассимилироваться в новой культуре. На вопрос о том, как лучше влиться в новую страну, принять её культуру, они не просто отмечают значимость языка. Как правило, они утверждают, что важнейшим и главным условием успешной натурализации является именно язык. Все другие факторы видятся ими как сопутствующие. Такого же мнения придерживаются и журналисты, по долгу службы вынужденные время от времени укореняться в другой стране, а значит и в другой культуре. По мнению неоднократно испытывавшей подобные укоренения известной журналистки И. Плескачевской, такие перемены стран, континентов, культур и менталитетов – всегда потрясение. Потрясение основ. Мироощущения, мировосприятия и ощущения себя. И настоящим спасением может быть только язык [14, с. 11]. Примечательно, что пережившие подобные погружения личности утверждают, что язык другой культуры помогает не только освоиться в новой обстановке, но и способствует гораздо более глубокому пониманию своей культуры, собственной личности и своего народа.

Отдавая должное значимости проблемы, поднимаемой Фаулзом, зададимся вопросом, каковы же отношения между языком и культурой. Данные отношения, по справедливому замечанию одного из современных исследователей, являются предметом рефлексии виднейших ученых уже около двух столетий. В настоящее время имеются по меньшей мере три точки зрения по обсуждаемому вопросу [15, с. 17].

Некоторые специалисты думают, что язык и культура – это разные, не совпадающие по содержанию и функциям, сущности. Так полагает, в частности, И.С. Улуханов, который утверждает, что если считать культуру достижением человечества, а достижения – это результат сознательной деятельности, то язык таковым не является [16, с. 2, 3]. Другие, напротив, подчеркивают неразрывность и единство культуры и языка, утверждая, что можно рассматривать отношение между культурой и языком как отношение целого и его части, что язык есть орудие культуры (что не одно и то же) и в то же время автономен по отношению к ней, может изучаться отдельно от неё или в сравнении с ней как равнозначный и равноправный феномен. Так, Н.И. Толстой, один из крупнейших современных славистов, убедительно показывает, что наблюдается известный изоморфизм структур языка и культуры в функциональном и внутриерархическом плане. В частности, параллельны виды культуры и виды языка; имеет место один и тот же набор их различительных признаков [17, с. 16], что толкуется Н.И. Толстым как знаки равнозначности и равноправия культуры и языка. Данная точка зрения развивается и уточняется в работах третьей группы ученых, в том числе в книгах С.Г. Тер-Минасовой, которая характеризует взаимоотношения языка и культуры с разных позиций, по разным направлениям их реализации: язык как зеркало культуры, язык как орудие культуры, язык как средство формирования личности и национального характера, индивидуального и коллективного менталитета, культурно-специфической картины мира [4]. Отмеченные три, да и другие, точки зрения на соотношение культуры и языка имеют право на существование. Они зависят от общего понимания культуры, которого придерживаются авторы. В.М. Лейчик полагает, однако, что две последние точки зрения более объективны и конструктивны [15, с. 18].

Соглашаясь с В.М. Лейчик по поводу большей конструктивности двух последних точек зрения, зададимся, тем не менее, важным вопросом: так ли уж параллельны язык и культура, как об этом пишет Н.И. Толстой и представители двух одобряемых В.М. Лейчик точек зрения? Или всё-таки в действительности наблюдается то, что В. Гумбольдт представил как круг, который для каждого этноса очерчивает именно язык, в котором и помещается культура данного этноса [3, с. 370]. Или в терминах, теории Ю. Лотмана «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации (оязыковлению) и разделяется на область объектов нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [18, с.178].

Чтобы ответить на данный вопрос необходимо более подробно разобраться в том, что такое язык. Неслучайно язык – важнейший термин новой дисциплины – теории межкультурной коммуникации. Целесообразно напомнить, что слово «язык» чрезвычайно многозначно. Оно употребляется в целом ряде направлений профессиональной деятельности: в анатомии, логопедии, литейном производстве, в военном деле, широко используется в переносных значениях / язык музыки, архитектуры, язык грозы, искусства), которые мы сейчас отделяем от того понятия, которым обозначается весьма конкретная сущность – то, что используется для общения и присутствует в жизни каждого человека как его родной язык, представляя собой весьма сложное и многоаспектное явление. Неслучайно существует огромное количество определений и толкований его сущности. Вот только некоторые из них:

1. Язык – это инобытие. (Титиан).
2. Это система средств лексического, грамматического и фонетического уровня, служащая для передачи и хранения информации. (С.И. Ожегов).
3. Язык есть непосредственная действительность мысли и важнейшее средство человеческого общения. (К. Маркс).
4. Язык – сложная развивающаяся семиотическая система, являющаяся специфическим и универсальным средством объективации содержания как индивидуального сознания, так и культурных традиций, обеспечивая возможность его intersubjectивности, процессуального разворачивания в пространственно-временных формах и рефлексивного осмысления. (Новейший философский словарь, М.А. Можейко).
5. Язык – это организованный звук. (М. Аткинсон).
6. Язык – это система взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков, основанная на различии. (Ф. Соссюр).
7. Язык есть энергия и деятельность. (В. Гумбольдт).

Представленный список можно продолжать, ибо общее количество определений понятия «язык» в настоящее время чрезвычайно велико и вполне может успешно соперничать с количеством существующих определений понятия «культура». Однако и предложенный перечень показывает, насколько разнообразны подходы к данному термину и какое многоаспектное явление он из себя представляет, если его дефиниции выявляют так много разных ракурсов. При всем разнообразии, однако, наблюдается группа определений, которые так или иначе трактуют язык с точки зрения его значимости как средства номинирования значений, хранения и передачи информации. Именно в таком аспекте обычно рассматривается значимость языка для становления и развития культуры. Для других целей, теории межкультурной коммуникации, например, помимо данного аспекта, возможным представляется толкование языка как деятельности и разновидности социального поведения. При таком подходе в поле зрения попадают те аспекты языка, которые оказываются исключенными, если трактовать его, например, только как систему взаимосвязанных и взаимообуславливающих знаков, основанных на различии. Сущность передаваемых ими смыслов,

по мысли знаменитого автора данного определения, остается неизменной, независимой от шрифта и бумаги, на которой они окажутся напечатанными, или почерка, каким будут написаны. В соответствии с данной точкой зрения, смысл объявления «ищу работу» не поменяется от того, каким шрифтом и на какой бумаге оно написано, как написано, каким голосом реализовано или на каком сайте явится взору интернет-пользователя [14, с. 107]. Представленный подход оказался настолько широко поддержанным многими направлениями языковых исследований, что к концу XX века стал, практически, общепринятым в лингвистике. «Одним из самых поразительных свойств естественных языков является их относительная независимость от того медиума в котором они реализованы», – утверждает один из весьма влиятельных исследователей в области семантики сегодня [20, с. 34]. Семантика вербального компонента устного высказывания независима от медиума, в котором оно реализовано [20, с. 35].

Против такого подхода весьма однозначно выступил известный лингвист Р. Якобсон, заявивший, что язык должен быть исследован во всем разнообразии своих проявлений [21, с. 66], главными аспектами таких проявлений посчитав шесть значимых переменных, одну из которых обозначил как «канал связи». В современных исследованиях данная переменная, как правило, обозначается терминами «медиум» или «форма» (устная, письменная). Безусловно, погружение в проблему роли языка в осуществлении информационного взаимодействия невозможно без размышлений о семантическом аспекте передаваемых посланий, что обычно и делается. Другие аспекты языковой составляющей такого взаимодействия, в большинстве случаев, остаются в тени или игнорируются вовсе. Между тем их роль значительна, в том числе и для интерпретации семантического аспекта. Особенно с учетом референции к культуре и её цивилизационным основаниям. Роль канала связи, формы, посредника или медиума в данном плане весьма значительна, хотя незаметна на фоне контента, который, как правило, принимается во внимание в качестве чуть ли не единственного значимого языкового аспекта в осуществлении информационного взаимодействия.

Наиболее страстным и шумным противником подобного подхода и одновременно наиболее яростным сторонником идеи значимости языковых посредников или медиумов правомерно считать канадского исследователя второй половины XX века Маршала Маклюэна, выступившего с теорией так называемого технологического детерминизма [22, с. 14]. Для многих современных выдающихся исследователей языка именно данная теория представлялась убедительной в акцентировании роли языкового медиума (М. Халидэй, В. Лабов).

Несмотря на то, что теория М. Маклюэна полна противоречий, а его язык зачастую весьма труден для понимания, так как М. Маклюэн, имея литературоведческий профессиональный опыт, явно больше предпочитал пользоваться афористическими высказываниями, метафорами, каламбурами и остротами, чем взвешенными, логически выверенными и последовательными высказываниями, придя в лингвокультурологию из литературоведения, он предпочитал позиционировать себя в качестве слепца, который тычет тростью во все стороны, чтобы нащупать, понять сущность и роль субстанции или языкового медиума, в которых язык является современному пользователю. Свои попытки он называет зондированием, экспериментальным нащупыванием, пробами, предпринятыми техническим неучем (technological idiot). Вместе с тем, в своих интерпретациях и выводах он пытается спорить с устоявшимися, повсеместно принятыми теориями и выводами. Например, Карл Маркс, как известно, показал, что изменения в способе производства определяют ход истории, обуславливают важнейшие формы развития человеческого общества. В противовес данному известному положению М. Маклюэн пытается доказать, что ход истории детерминирован каналами коммуникации, а именно: изменениями в посредниках или медиумах хранения и обмена информации [23, с. 14].

Во всех своих работах он пытается прозондировать отношения между каналами подачи информации, то есть медиаформами, считая их важнейшими аспектами реального языка, и культурой. Самым знаменитым его афористическим высказыванием правомерно считать «Медиум и есть то, что сообщается в высказывании, он и есть смысл высказывания» (The medium is the message) [23, с. 9]. В некоторых своих комментариях по поводу данного утверждения он, практически, заявляет, что слова не важны, что содержание послания, представленное в любых медиа, примерно, то же самое, что изображение костей и черепа на контейнерах с атомной бомбой [23, с. 18]. В других заявлениях М. Маклюэн допускает возможность некоторой значимости содержательной стороны языковых высказываний: «Я не утверждаю, что содержание не играет никакой роли, я только обращаю ваше внимание на то, что оно играет явно подчиненную роль» [23, с. 22]. Согласно теории Маклюэна, медиумы или каналы подачи информации меняют человека, а вместе с ним и культуру, больше, чем суммарное содержание всех посланий в любом медиуме. Одно и то же послание или высказывание имеет разные смыслы в зависимости от того, в каком медиуме оно представлено: сказано устно, написано от руки или напечатано, появилось на экране ТВ или в интернет-коммуникациях [22]. Так, в соответствии с его точкой зрения, приведенный в нашем примере посыл «Ищу работу» оказывается в семантическом плане существенно разным информационным сообщением в зависимости от тех медиа, в которых он реализован.

Невладение современным каналом подачи информации значимо для многих работодателей, равно как и умение свой запрос написать или напечатать. Наш собственный эксперимент позволил получить результаты, показывающие, что вербально идентичные высказывания, реализованные мужским или женским голосом, так же несут в значительной мере разную информацию работодателям, которая, в ряде ситуаций оказывается решающим фактором при выборе кандидатуры на заполнение вакансий. То есть, прототипический смысл о поиске работы оказывается дополненным весьма значимыми, уточняющими его нюансами всякий раз, когда меняется медиум или материальная форма, в которой он реализован. В нашем эксперименте такие уточняющие привнесения в семантику высказывания возникли за счет гендерного аспекта естественной звуковой субстанции (голоса человека).

Чтобы разъяснить общественности значимость медиа, Маклюэн даже прибегал к весьма эмфатической метафоре, утверждая, что, фактически, контент представляет собой нечто вроде куска сочного мяса, подsunутого грабителем, чтобы притупить бдительность сознания. Согласно Маклюэну, посредники или материальные формы воплощения языка, владеют человеком, а главенствующий в обществе канал коммуникации определяет восприятие мира его пользователями. Доминирующий медиум на любом этапе развития человечества в любую его эпоху властвует над людьми, подчиняет их себе (*The dominant medium of any age dominates people*) [22]. Примечательно, что, по существу к аналогичным выводам пришел другой известный исследователь, Д. Деррида, показав, что в современную ему эпоху (шестидесятые годы прошлого столетия) письменный язык и напечатанный текст стали привилегированными в обществе [9, с. 144].

Чтобы доказать правомерность своей точки зрения Маклюэн интерпретирует историю человечества не с позиции утвердившихся на разных ее этапах способов производства, а с позиции тех медиа или посредников, в которых осуществлялось хранение и обмен информации. Согласно Маклюэну, жители племенного поселения пребывали в акустическом мире, так как воспринимали язык исключительно только на слух. Последний был представлен в своей естественной субстанции – звуковым медиуме, варьирующемся только в соответствии с гендерной отнесенностью высказывания. Способность слышать, воспринимать на ощупь, вкус или запах была развитой значительно лучше, чем способность видеть. Правое полушарие доминировало. Слух являлся королем, главным каналом информационного взаимодействия. «Слышать» означало «знать», «быть информированным».

Письменность поменяла данную ситуацию. Согласно Маклюэну и в соответствии с точкой зрения многих других виднейших ученых, например, Дж. Дерриды, М. Халидэя, эффект появления фонетического алфавита можно сравнить со взрывом атомной бомбы, поставившим способность видеть на верхнюю позицию в иерархии чувств. Стала возможной особая, частная точка зрения, выработанная левым полушарием. И пишущий, и читающий оказались отделенными от текста. Грамотность вытолкнула человека из коллективного племенного существования в «цивилизованную» изоляцию. Печатный текст позволил покидать по мере надобности племя и оставаться информированным о важнейших вопросах жизнеобеспечения в нем. Более того, фонетический алфавит установил линию как принцип организации мысли и, в конечном итоге, интерпретации мира и жизни в целом. В письменном сообщении одна буква следует за другой в определенном линейном порядке, как и слова и обозначаемые ими понятия. Логика действует по тому же (шаг за шагом) принципу пошаговой линейной прогрессии. Именно в таком аспекте Маклюэн интерпретирует семантику широко распространенного в английской культуре высказывания-клише: *I don't follow you* / 'Я не прослеживаю ход ваших мыслей', то есть 'не понимаю', полагая, что с помощью данного клише говорящий буквально говорит о своем непонимании в виду невозможности или неспособности ухватить логическую последовательность высказанной собеседником мысли [2, с. 48–60]. По существу, данная реплика, сказанная говорящим как будто о себе, приглашает собеседника задуматься об упорядоченности его вербального поведения и отражает широко принятые в английском обществе правила вежливости, требующие сохранять «лицо» (*face*) собеседника, его положительный образ как коммуниканта.

М Маклюэн даже утверждает, что алфавит способствовал появлению и развитию математики, точных наук, философии в Древней Греции. Аналогичным образом он интерпретирует примеры культурного подъема в современной ему Африке, связывая его с распространением грамотности на данном континенте, которая, в конечном счете, привела к широкому использованию визуального канала и характерного для него языка с целью осуществления жизненно важного информационного обмена, что значительно ослабило роль слуха. Но если фонетический алфавит только сделал переход к визуальному восприятию возможным, то печатный станок или галактика Гуттенберга (*The Guttenburg Galaxy*), главный преобразующий потенциал которой состоит в способности выдать множество копий одного текста, осуществить массовое производство идентичного продукта, совершил подлинную революцию. Именно его, печатный станок, Маклюэн считает предшественником и предвестником индустриальной революции. При этом он отмечает ряд непредвиденных, необычных последствий изобретения Гуттенберга. Таковыми оказались усиление националистических тенденций, за которым последовало гомогенизация постоянно меняющихся и отличающихся друг от друга региональных говоров и превращение их в более-менее стабильные национальные языки. Печатный станок возвеличил и поставил на пьедестал не только текст Библии, но и вообще печатное, книжное слово, а людей, которые могли читать и писать, сделал «естественными поглотителями» пропагандируемых печатным текстом смыслов. Печатный станок распространил и небывало акцентировал значимость визуального восприятия. Благодаря ему была сотворена малогабаритная, легко переносимая книга, которую каждый мог прочесть в уединении, изолировавшись от всех и вся, в своем личном пространстве. По сути, были созданы условия для отстранения от других, ослабления стремления к совместности, для уединенной рефлексии над печатными образцами, представляющими смысл в определенной линейной последовательности [2].

Справедливо отметить, что критика в адрес теории Маклюэна огромна и, в значительной степени, правомерна, особенно по поводу метафоричности и недостаточной последовательности языка изложения. Вместе с тем, внимание, которое он привлек к посредникам, медиуму как важнейшему аспекту языка, рассматриваемого в качестве средства общения, информационного воздействия, в том числе и в межкультурном плане, весьма значимо. Он действительно побудил задуматься о роли материальной формы языка, медиума, доселе остающегося в тени других исследований, главным образом направленных на выявление внутренней формы или структуры языка. Неслучайно к идеям Маклюэна апеллируют многие известные ученые, серьезно занимающиеся особенностями языковой организации высказываний, отличающихся по материальной форме своей реализации. Одним из них

является М. Халидэй, убедительно показавший на материале английского языка, что письменный текст использует языковые средства иначе, чем устный, и правилам организации каждого из них нужно учиться [8, с. 29–45]

Современные исследователи представляют весьма доказательные данные о том, что новые медиа также имеют свою специфику в языковом плане, и успех межкультурной коммуникации, межкультурной в том числе, в значительной мере зависит от уровня владения данной спецификой [24, с. 17–22]. Успехи лингвистов в выявлении медиадетерминированных особенностей на данном этапе подтверждают высказанную еще Р. Якобсоном мысль о значимости формы языка, медиума. Размышления М. Маклюэна подсказывают, что дело не только в выборе языковых средств для манифестации смысла, но и в конструировании языковой личности, которая эти медиа использует. Расширение каналов связи, появление новых медиа коренным образом изменило потенциал языка как рычага новейших эволюционных процессов как в обществе, культуре, так и в становлении личности. В настоящее время мы живем в революционную эпоху перехода к взаимодействию в новых форматах с помощью новых медиа, новых языковых форм. Последние представляют для человека серьезный вызов. Известный представитель искусства и интуитивист Малевич предупреждал об опасности, которая ждет человечество, если не остановить прогресс. Его черный квадрат кричит о необходимости серьезно задуматься. К тому же побуждает «Земля» Рушчица. Кажущиеся на первый взгляд эпатажными утверждения М. Маклюэна, что несущие нам информацию медиа и есть подлинные индикаторы этапов или эпох развития человечества (The Medium is the mass age) и что мы сотворяем наши медиа, а они сотворяют нас [23] при ближайшем рассмотрении оказываются вовсе не лишними смысла и удивительным образом переключаются с идущим из далёкой античности определением «язык есть инобытие» (Титиан, III век до н. э).

Более того, они не только переключаются, но и, на наш взгляд, являются подтверждением приведенного ранее известного определения языка Гумбольдта, утверждавшего, что язык есть энергия и деятельность. Во всех аспектах своего воплощения. В аспекте материальной формы в частности. Последняя выделялась В. Гумбольдтом в единстве с разновидностями формы языка. По верному замечанию Л.Л. Зубковой, в трудах В. фон Гумбольдта за пределы языка выводится лишь неформленная материя [6, с. 56; 2, с. 72]. То есть, пока материальная субстанция не стала формой языка, не привлечена в качестве материала для его воплощения, она выводится за пределы языка. А вот когда она становится материалом для воплощения языка, тогда, вместе с другими разновидностями его формы (внутренней и внешней), синтезируется в одно целое. Согласно В. фон Гумбольдту, рождение языка – синтетический процесс [2, с. 107]. В результате такого процесса происходит настолько глубокое взаимопроникновение материи и других форм языка, что они «перестают существовать как отдельные сущности» [2, с. 197]. Сказанное не означает, однако, что для языка и культуры безразлично, какая конкретно субстанция становится материалом для языка, что конкретно начинает играть роль посредника (в терминологии Ж. Дерриды), или быть экспрессивным слоем языка. Ж. Деррида убедительно показал ограничивающую или наоборот, содействующую, создающую силу формы [25, с. 156–160]. Вместе с тем приходится согласиться с высказанным им мнением, что чаще всего наблюдается дискредитация значимости материальной формы языка, которая рассматривается «как то, что выпадает из значения, оказывается посторонним, внешним значению». В понимании Дерриды фонетическое письмо – это арена великих научных, технических и экономических происшествий запада [9, с. 39–40], то есть изменений в культуре, в основании которых находится новая форма презентации языка. В понимании Ж. Дерриды, между человеком и истиной существует весьма значимое количество посредников, сосредоточенное в основном в сфере языка. Это специфическое вмешательство и вносит различие (difference), способом осуществления которого может быть графическая или другая форма манифестации языка. Она то, в конечном итоге, и модифицирует культуру, в которой живет человек. Посредники, согласно точке зрения Ж. Дерриды, «гасят» звуковую речь. Согласно М. Маклюэну, новые формы существования языка «гасят», в свою очередь, напечатанный текст, вызывая значимые перемены в культуре, в структуре языковой личности [22].

Заключение. В свете сказанного приведенное ранее весьма распространенное утверждение о том, что язык есть орудие культуры, требует уточнения, ибо создается впечатление, что культура использует язык в качестве средства для своего развития, что она есть создающее начало. Представленные аргументы позволяют утверждать, что таким создающим началом является язык, именно он представляет ту силу, которая, в конечном итоге, позволяет сотворить культуру. Последняя есть результат его, языка, созидательной энергии или духа в понимании В. Гумбольдта. Отношения между языком и культурой, таким образом, можно обозначить как отношения создающей силы и результата её энергизирующей деятельности.

Весьма весомую роль в осуществлении языком создающего культуру предназначения выполняет тот аспект его формы, который в разных терминологических обозначениях называется субстанцией, материальной формой, медиумом, посредником, экспрессивным слоем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php. (дата обращения: 05.01.2023).
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 602 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 465 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008. – 262 с.

5. Межкультурное иноязычное образование / Е.Г. Тарева, А.В. Анненкова, Е.С. Денисова и др. – М.: Логос, 2014. – 230 с.
6. Зубкова Л.Г. Язык как форма. – М.: РУДН, 2003. – 237 с.
7. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Академия, 2008. – 352 с.
8. Halliday M.A.K. Spoken and written Language. – Oxford: Oxford university Press, 1992. – 109 p.
9. Derrida J. Of Grammatology. – Baltimore LL.: Johns Hopkins University press, 1976. – 360 p.
10. Путрова М.Д. Голос как параметр текста и гендера // Е.Ф.Карский и современное языкознание. – Гродно: ГГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 126–135.
11. Степин В.С. Культура // Новейший философский словарь / Сост. и гл. ред. А.А. Гришанов. – Минск: Интерпрессервис, Книжный дом. 2001. – С. 527–529.
12. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Академич. Проект, 2011. – 460 с.
13. Ярошенко А. На диалекте дружбы // Союз, СБ. – 2021. – № 43. – р IV.
14. Плескачевская И. Европа VS Азия // СБ. Беларусь сегодня. – 2013. – № 85 – С. 11.
15. Лейчик В.М. Отношения между культурой и языком: общие функции // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 17–30.
16. Улуханов И.С. Культура и цивилизация: этимология, история и семантика, соотношение с языком // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 1996. – С. 1–12.
17. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской культурологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
18. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
19. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Наука, 2006. – 270 с.
20. Lyons J. Linguistic Semantics. – Cambridge: CUP, 1996. – 376 p.
21. Jakobson R. Language and Poetics // Language in Literature. – Harvard University Press, 1987. – P. 62–94.
22. McLuhan M. Understanding Media. – NY: McGraw – Hill, 1964. – 318 p.
23. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage. – N.Y.: Random House, 1967. – P. 12–32.
24. Шуманская О.А. Коммуникативное пространство корпоративных медиа: структура, семантика, языковая реализация: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 2021. – 28 с.
25. Деррида, Ж. Голос и Феномен. – СПб.: Алетейя, 1999 – 208 с.

Поступила 01.03.2023

SEARCHING FOR THE MEANING OF INTERCONNECTION BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE

M. POUTROVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article specifies a widely spread assumption that language is a tool of culture. It claims that interconnection between language and culture can be reasonably viewed as that of creative power and the effect of its energizing pressure. The material form of language or else its medium, substance, expressive layer or mediator, plays quite an essential part in formatting culture. It is a major task of humanities, especially of philosophy and linguistics as well as of cultural studies and theory of cross-cultural communication to uncover the true meaning of interconnection between language and culture which turns out to be well described with the help of the famous aphoristic statement: in the beginning was the Word. The latter or language can be claimed to be the creative, formative beginning in its interconnection with culture.

Keywords: language, creative, formative beginning, effect, energizing, activity, culture, form, medium.